

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

KARL FRIEDRICH MAY

WINNETOU

45 Illustrationen von Josef Ulrich

КАРЛ МАЙ

ВИННЕТУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
45 иллюстраций Йозефа Ульриха

Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2016

УДК 82/89
ББК 84 (4Гем)-44я5
М14

Перевод с немецкого
М. Курушина

Рисунок на переплете
О. Бабкина

Май Карл

М14 Виннету/Пер. с нем. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 408 с.: ил. — (Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-9922-2158-9 (серийное оформл.)

ISBN 978-5-9922-2192-3 (несерийное оформл.)

Знаменитый немецкий писатель Карл Май (1842—1912) — один из самых популярных авторов, писавших в приключенческом жанре, его книги переведены более чем на 30 языков и изданы тиражом свыше ста миллионов экземпляров, по ним поставлены многочисленные спектакли и кинофильмы.

Наибольший успех ему принесли произведения о североамериканских индейцах, сквозными героями которых являются благороднейший из всех краснокожих индейских воинов Виннету и его белый брат — отважный охотник и следопыт Олд Шеттерхэнд (Разящая Рука), немец по происхождению, в значительной степени олицетворяющий alter ego самого писателя. На этих красочных, полных сострадания книгах Карла Мая во многом основаны представления европейцев — особенно немцев, австрийцев, чехов, голландцев — об американских индейцах, их борьбе и их гибели, о борьбе Добра и Зла на Диком Западе — огромном пространстве между Миссури и Сан-Франциско.

В романе «Виннету» читателя ждут опасные приключения, жестокие схватки, бешеные скачки, погони, встречи с апачами и каманчами и, конечно, с главными героями — Виннету и Олд Шеттерхэндом.

В романе воспроизводится полный комплект из 45 иллюстраций известного чешского художника Йозефа Ульриха (1857—1930).

УДК 82/89
ББК 84 (4Гем)-44я5

ISBN 978-5-9922-2158-9
ISBN 978-5-9922-2192-3

© М. Курушин, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Глава первая ГРИНХОРН

Знаешь ли ты, дорогой читатель, что означает слово «гринхорн»? Это кличка, обидная и презрительная. «Грин» — по-английски «зеленый», а «хорн» можно перевести как «щупальце». Стало быть, гринхорн — незрелый, зеленый, лишенный всякого опыта юнец, впервые попавший в чужую страну и потому вынужденный очень осторожно выпускать свои щупальца, чтобы не попасть впросак¹.

Гринхорн — из тех, кто не уступит стула леди; он первым протянет руку хозяину, прежде чем раскланяться с миссис или мисс; а заряжая ружье, он не тем концом вложит патрон или забьет в ствол пыж, затем пулю и только потом насыплет пороху. Гринхорн либо совсем не говорит по-английски, либо изъясняется чересчур правильно и изысканно; на него наводят ужас и язык янки, и выражения невежд. Гринхорн примет енота за опоссума, а хорошенькую мулатку² не отличит от кварталонки³. Он дымит сигареткой и презирает господ, жующих табак. Получив оплеуху от какого-нибудь пэджи — то бишь ирландца, — гринхорн мчит жаловаться к мировому судье, вместо того чтобы, как настоящий янки, пристрелить обидчика на месте. Следы дикого индюка он примет за медвежьи, а узкую спортивную яхту — за пароход с Миссисипи. Ему претит положить свои грязные ноги на колени попутчика и хлебать суп, фыркая как

¹ Карл Май дает собственное толкование понятия «гринхорн», которым на американском сленге величали новичков и иммигрантов. В среде ковбоев так часто называли учеников или помощников, которые не умеют арканить скот с помощью лассо.

² Мулатка (*исп.* mulato) — потомок от смешанного брака белых и негров.

³ Кварталон (*исп.* quarteron) — человек, один из предков которого в третьем поколении был негром.

издыхающий бизон. Чистоплотности ради он тащит с собой в прерию губку размером с гигантскую тыкву, не забывает и о десяти фунтах мыла, а в карман засовывает компас, стрелка которого уже на третий день пути показывает куда угодно, но только не на север. Гринхорн старательно запишет восемьсот индейских выражений, но при первой же встрече с краснокожими окажется, что все записи он давно отправил домой в последнем конверте, а само письмо конечно же осталось при нем. Прикупив пороху и решив выстрелить, гринхорн вдруг замечает, что ему подсунили толченый древесный уголь. Лет десять он штудировал астрономию, но сколько бы ни пялился в звездное небо, так и не может определить, который сейчас час. Гринхорн обязательно заткнет нож Боуи за пояс так, что при любом движении клинок впивается ему в бедро. На Диком Западе он палит такие костры, что огонь взмывает к верхушкам деревьев, а потом бесконечно удивляется, когда индейцы обнаруживают и обстреливают его убежище. Короче, гринхорн — он и есть гринхорн. И я сам когда-то был таким же незрелым недотепой.

Только не думайте, будто мне приходило в голову хоть как-то подозревать, что эта презрительная кличка может относиться ко мне. О нет! Отличительная черта всякого гринхорна как раз и состоит в том, что он готов кого угодно считать зеленым юнцом, но только не самого себя. Напротив, мне казалось, что я весьма мудр и даже опытен. Ведь я получил высшее образование и не боялся никаких экзаменов. Своим юношеским разумом я не мог постичь тогда, что истинной школой является сама жизнь, ежедневно и ежечасно подвергающая учеников суровым испытаниям. Весьма плачевные события на родине и, признаюсь, врожденная жажда деятельности заставили меня перебраться через океан в Соединенные Штаты, где в то время молодому, напористому субъекту гораздо легче было добиться успеха, нежели теперь. Я мог бы недурно устроиться в Восточных штатах, но меня тянуло на Запад. Занимаясь то тем, то этим, я вскоре кое-что подзаработал и, прихватив все необходимое, полный радостных надежд, добрался до Сент-Луиса. Там судьба привела меня в немецкую семью, предложившую мне приют и место домашнего учителя. В тот дом часто заходил некий мистер Генри, оружейник и большой чудак, отдававший своему ремеслу с пылом истого художника и с унаследо-

ванной от предков гордостью называвший себя «мистером Генри, ружейных дел мастером».

Человек он был добрейший, хотя внешность и поведение производили прямо противоположное впечатление, ибо он не знал почти ни с кем, кроме упомянутой семьи. И даже со своими клиентами обращался столь неприветливо, что те продолжали ходить к нему только из-за отличного качества его товара.

Жену и детей он потерял в результате какого-то ужасного события. Мистер Генри никогда об этом не рассказывал, но по некоторым его словам я догадался, что его родные стали жертвой кровавого нападения. В этом горе, вероятно, истоки его вечной суровости и нелюдимости. Сам он, скорее всего, просто не замечал резкости своих манер, в душе оставаясь добрым и мягким. Не раз я видел, как у него на глазах выступали слезы во время моих рассказов о родине и соотечественниках, с которыми я всегда был и до сих пор остаюсь связан всей душой.

Почему старик проявил симпатию именно ко мне, чужаку, я долго не мог понять, пока он сам мне не объяснил. С тех пор как я появился в этой немецкой семье, он стал захаживать туда чаще и нередко присутствовал на наших занятиях, по окончании которых мне приходилось уделять ему свободное время. В конце концов он пригласил меня к себе, но я не торопился воспользоваться приглашением, поскольку не хотел злоупотреблять гостеприимством такого человека. Как сейчас помню гневное выражение его лица, когда однажды вечером все же зашел к нему, и тон, которым он меня встретил, не ответив на мое приветствие.

— Куда это вы вчера запропалились, сэр?

— Дома был.

— А позавчера?

— Тоже.

— Что за ерунда?

— Я говорю правду, мистер Генри.

— Хо! Желторотики, вроде вас, недолго прячутся в гнездышке. Они всюду суют свой нос, но только не туда, куда надо!

— И куда же мне надо было его сунуть, позвольте спросить?

— Сюда, ко мне, понятно? Я давно уже собирался задать вам пару вопросов.

— Так почему не задали?

— Потому, что не хотел.

— А когда захотите?

— Может, сегодня.

— Так спрашивайте смелее! — нетерпеливо произнес я, усаживаясь на верстак, у которого он работал.

Мистер Генри удивленно посмотрел на меня, с сомнением покачал головой и ответил:

— «Смелее»? Может, мне и в самом деле спросить разрешения у такого гринхорна?!

Чувствуя себя оскорбленным, я наморщил лоб.

— Будем считать, мистер Генри, что это слово сорвалось у вас с языка случайно!

— Да что вы себе воображаете, сэр? Говорил я вполне обдуманно. Вы — настоящий гринхорн, да еще какой! Содержание прочитанных книг вы, похоже, действительно крепко усвоили. Не перестаю удивляться, сколько всего вы на родине сумели изучить! Молодой человек точно знает, как далеки от нас звезды, что там писал на камнях Навуходоносор¹ и сколько весит невидимый нами воздух! Зная все это, он воображает, что шибко умен! Но понюхайте жизни, лет эдак с полсотни, только тогда — и то не наверняка — вы постигнете истинную мудрость! Все ваши знания до сего момента, в сущности, просто ничто. А то, на что вы способны, — еще меньше! Вы даже стрелять-то не умеете!

Сказал это он в высшей степени презрительным тоном, да еще с такой уверенностью, будто успел уже убедиться в этом.

— Не умею стрелять? Хм... — ответил я не без улыбки. — Это и есть тот вопрос, что вы хотели мне задать?

— Именно! Отвечайте же!

— Дайте мне хорошее ружье и все увидите сами.

Тут он нехотя отложил в сторону ружейный ствол, в котором делал нарезы, затем поднялся, подошел ближе, смерил меня удивленным взглядом и воскликнул:

— Дать ружье? Да ни за что на свете! Мои ружья попадают в руки только тем, кому я могу доверить свою честь.

— Мои руки как раз подойдут, — возразил я.

¹ Н а в у х о д о н о с о р — царь Вавилонии (605—562 гг. до н. э.), возглавлявший военные походы в Сирию, Палестину и Финикию, разрушитель Иудейского царства. Во время его правления сооружены знаменитые Вавилонская башня и висячие сады Семирамиды, а древняя вавилонская культура достигла своего наивысшего развития.

Он снова взглянул на меня, в этот раз искоса, потом сел на прежнее место и принялся снова колдовать над ружьем, бурча под нос: «Вот так гринхорн! Его дерзость выведет меня из себя!»

Спорить я не стал, а вытащил сигару и закурил. Около четверти часа мы просто молчали, но дольше мистер Генри не выдержал. Он поднял ружейный ствол против света, внимательно поглядел в него и при этом заметил:

— Стрелять определенно труднее, нежели звезды считать или читать древние надписи, не так ли? Вы когда-нибудь держали ружье в руках?

— Думаю, да.

— А курок спускали?

— Конечно.

— И попадали?

— Еще бы!

Оружейник опустил ствол, снова смерил меня недоверчивым взглядом и спросил:

— Попадать — попадали, но куда?

— В цель, понятно.

— Черт возьми, сэръ! Ну и болтун! Да вам и в стену не попасть, будь она хоть двадцать локтей в высоту и пятьдесят в длину! И вы нагло утверждаете совершенно невозможное с таким серьезным, внушающим доверие лицом, что я могу не сдержаться! Я же не мальчишка, которому вы даете уроки! Понятно? И этот гринхорн, книжный червь, вдруг утверждает, что умеет стрелять! Всю жизнь рыться в турецких, арабских и других невесть каких древних книгах — когда же у вас было время стрелять? А ну снимите со стены вот этот старый флинт¹ и попробуйте-ка взять что-нибудь на мушку. Из него валят медведя — лучшего ружья не найти.

Я уверенно взял в руки ружье и прицелился.

— Эй! — воскликнул мистер Генри, вскочив с места. — Не так! Вы обращаетесь с ним, как с тросточкой, а ведь это самое тяжелое ружье из тех, что я знаю. Неужели вы и впрямь обладаете такой силой?

¹ Ф л и н т (*нем.* die Flinte) — тяжелое гладкоствольное охотничье ружье, заряжавшееся с дула; было основным боевым видом оружия пехоты европейских армий еще с XVII в.

Вместо ответа я, схватив его за полу куртки и ремень, легко приподнял вверх.

— Дьявольщина! — заголосил он. — Пустите меня! Вы сильнее моего Билла!

— Вашего Билла? Кто это?

— Это мой сын, но он... оставим это! В общем, он погиб вместе со всеми... Какой толковый парень вышел бы из него! Вы с ним одного роста, да и фигуры ваши похожи, у вас почти такие же глаза и даже форма рта... впрочем, это вас не касается...

Глубокая печаль всей жизни отразилась вдруг на лице оружейника. Он провел по лбу рукой, словно желая отогнать горе прочь, потом продолжил чуть бодрее:

— Очень жаль, сэр, что при такой физической силе вы корпите только над книгами. Вам следовало бы заняться тренировками!

— А я занимаюсь.

— Боксом?

— Нет, у нас он мало известен. А вот гимнастикой и борьбой...

— А верховой ездой?

— Тоже.

— А фехтованием?

— Даже уроки давал.

— Эй, а не болтаете ли вы?

— Снова проверить хотите?

— Спасибо, хватит! Вообще-то мне пора работать. Присаживайтесь!

Он вернулся к верстаку, а я последовал его приглашению. Дальнейший разговор оказался весьма односложным, поскольку мысли мистера Генри были заняты чем-то более важным. Внезапно он прекратил работу и спросил:

— А математикой вы занимались?

— Мой любимый предмет.

— Арифметика, геометрия?

— Разумеется.

— А может, и с топографией дружите?

— Дружу. Не раз колесил по окрестностям просто так с теодолитом¹ в руках.

¹ Теодолит — геодезический инструмент для измерения на местности горизонтальных и вертикальных углов.

— Вы действительно сумеете провести топографическую съемку?

— Да. Я делал и горизонтальный и вертикальный план местности, хотя и не берусь утверждать, что мои познания в геодезии достигают профессионального уровня.

— Все это очень похвально!

— Но почему вы об этом спрашиваете, мистер Генри?

— Есть на то причина. Еще узнаете, понятно? Сперва я должен узнать — хм, да, — как у вас со стрельбой.

— Так испытайте меня.

— Обязательно. Не сомневайтесь! Когда у вас занятия?

— В восемь утра.

— Хорошо, приходите в шесть ко мне. Пойдем на стрельбище, где я пристреливаю свои ружья.

— В такую рань?

— Не хочу больше ждать, ибо горю желанием доказать, что вы — настоящий гринхорн. Ну хватит об этом. У меня есть другие дела, поважнее ваших!

Ствол ружья, похоже, уже был готов, и мистер Генри вынул из шкафчика многогранный металлический брусок, после чего начал напильником ровнять его углы. Тут я заметил, что на каждой грани бруска имелись отверстия.

Он так сосредоточился на работе, что, похоже, забыл о моем присутствии. Его глаза блестели, и, когда он время от времени прерывался, чтобы полюбоваться собственным произведением, лицо его светилось истинным счастьем. Сомнений не было — эта металлическая болванка представляла для него большую ценность. Удержаться я не смог и спросил:

— Неужели из этого получится какая-нибудь часть ружья, мистер Генри?

— Конечно, — ответил он, словно только что вспомнил о моем присутствии.

— Но я не знаю ни одной системы оружия с такой составной частью.

— Охотно верю. Система еще только рождается — это будет новое ружье Генри.

— Вот как! Стало быть, изобретение?

— Да.

— Тогда простите мое нетерпение, это ведь пока тайна?

Он еще долго смотрел в каждое отверстие, вертел болванку во все стороны, несколько раз прикладывал ее к задней части только что приготовленного ствола, после чего наконец ответил:

— Да, это тайна. Но вам я ее доверю, потому что вы — хоть и гринхорн до мозга костей! — умеете молчать, если надо. Я вам скажу, что из этого получится: штуцер с двадцатью пятью зарядами.

— Не может быть!

— Спокойно! Я не так глуп, чтобы браться за что-либо невозможное.

— Но тогда где же ваш патронник на двадцать пять патронов?

— Все есть.

— Кажется, штуковина получится довольно большая и громоздкая...

— Хо! Всего лишь один барабан, зато весьма удобный. Он совершенно не мешает. Эта болванка и есть будущий патронный барабан.

— Хм... Я, конечно, слабо разбираюсь в вашем искусстве, но как насчет температуры? Не будет ли перегрева ствола?

— Ни в коем случае! Материал и способ изготовления — мой секрет. Впрочем, зачем выпускать подряд все двадцать пять пуль?!

— Это точно.

— То-то! Из металлической болванки получится отличный барабан. После каждого выстрела барабан вращается и досылает следующий патрон в патронник. Много лет я носился с этой идеей, но ничего путного сделать не удавалось. Теперь, кажется, дело пойдет на лад. У меня уже есть доброе имя, но вскоре обо мне узнают сотни других людей. И я, может быть, заработаю много денег.

— А заодно — и нечистую совесть.

Мистер Генри удивленно взглянул на меня.

— Полагаете, убийца может иметь чистую совесть? — продолжил я, не дав ему опомниться.

— Бог мой! Хотите сказать, что я убийца?

— Пока нет, но...

— Могу им стать, так?

— Да, содействие убийству — не менее тяжкое преступление.

— Придержите язык! Никакому убийству я потакать не собираюсь! Что вы несете?

— Речь идет даже не об одном убийстве, а о настоящей бойне.

— Что? Не понимаю, о чем вы?

— Если всякий сможет купить ваше опасное оружие, вы очень быстро распродадите несколько тысяч таких штуцеров. Ими будут истреблять бизонов, а заодно и всякую дичь, которой и так не хватает индсменам. Сотни и тысячи охотников вооружатся вашими ружьями и ринутся на Запад. Начнется бойня — людская и звериная кровь польется ручьями, и скоро ни одной живой души не будет ни по ту, ни по эту сторону Скалистых гор!

— Черт возьми! — гаркнул он в ответ. — Вы что, в самом деле только что из Германии?

— Да.

— И раньше никогда не были здесь, на Диком Западе?

— Нет.

— Значит, вы — самый настоящий гринхорн, пускающий пыль в глаза, будто он предок всех индейцев и живет здесь тысячу лет! Хотите подшутить надо мной? Даже если бы все было так, как вы утверждаете, мне никогда и в голову не пришло бы открывать оружейный завод для производства ружей. Я живу один, таковым и останусь. У меня нет ни малейшего желания искать постоянные проблемы с сотней-другой рабочих!

— Вы можете получить патент на ваше изобретение и продать его.

— Зачем, сэр? До сих пор мне всего хватало. Надеюсь, что и впредь проживу без патента. А теперь уходите — вам пора домой. У меня нет никакой охоты слушать писк птенца, который еще не оперился, а уже пытается петь и свистеть.

Обижаться на его неучтивость я не собирался — такая уж у него была натура. Но я был уверен, что он желает мне добра и хочет помочь в меру своих сил и возможностей. Протянув на прощанье руку, которую он стиснул и от души потряс, я ушел.

Конечно, тогда я и понятия не имел, сколь важное значение будет иметь для меня тот вечер, тот тяжелый «медведебой», названный мистером Генри «старым флинтотом», и конечно же штуцер Генри, которому суждено сыграть в моей жизни важ-

нейшую роль. Я с нетерпением и радостью ожидал утра, поскольку, имея в стрельбе некоторый опыт, был совершенно уверен, что удачно выдержу испытание у своего нового странного знакомого.

Ровно в шесть часов я вошел в его дом. Мистер Генри уже ждал меня, и, когда протянул мне руку, на его добром, но грубоватом лице скользнуло некое подобие улыбки:

— Прошу вас, сэр! Кажется, вы уверены в победе и думаете, что не промажете в стену, о которой мы вчера говорили?

— Надеюсь.

— Ладно, тогда идемте прямо сейчас! Я возьму вот это ружьишко, а вы понесете «медведебой». Я не хочу тащить такую машину.

Он забросил на плечо легкую двустволку, а я взял флинт. Когда мы пришли на стрельбище, он сразу зарядил оба ружья и сначала дважды выстрелил сам. Я понял, что наступила моя очередь, и молча осмотрел тяжелую двустволку. С таким типом ружья я еще не встречался, и потому первым выстрелом задел лишь черный круг мишени. Второй выстрел оказался более удачным, а в третий раз я попал в самый центр мишени, после чего остальные пули прошли через ту же самую дыру, сделав ее чуть шире. Удивление мистера Генри росло с каждым выстрелом. Мне пришлось испытать и его ружьишко — результаты были те же.

— Либо в вас сидит сам дьявол, либо вы прирожденный вестмен¹, сэр. До сих пор не видел ни одного гринхорна, умеющего так стрелять!

— Какой уж тут дьявол, мистер Генри! — рассмеялся я. — Я душу свою никому не продам!

— Тогда вы просто обязаны стать вестменом! Есть желание?

— Почему бы и нет?

— Ладно, посмотрим! Поглядим, что можно сделать из гринхорна! Верхом ездить умеете?

— Если понадобится.

— Если понадобится? Что, хуже, чем стреляете?

— Не думаю. Самое трудное — сесть в седло. Но если мне это удастся, ни один конь не сможет меня сбросить!

¹ В е с т м е н (*англ.* westman) — «человек Запада», смелый, находчивый, хорошо знакомый с обычаями и нравами Дикого Запада, одним словом — предпримчивый американец.

Он пристально взглянул на меня, словно проверял, в шутку я сказал или нет. Я же изо всех сил старался казаться равнодушным, будто ни о чем не догадывался. Тут он спросил:

— Вы так думаете? Полагаете, надо держаться за гриву? Ошибаетесь! Вы верно сказали, что самое трудное — забраться на лошадь. Действительно, это зависит только от вас. А вот спуститься на землю легче — об этом уж конь позаботится, будьте уверены, хе-хе!

— Тяжело ему будет со мной.

— Что ж, поглядим! Попробуете?

— С удовольствием.

— Тогда идемте! Сейчас только семь, у вас еще целый час времени. Мы зайдем к торговцу лошадьми Джиму Корнеру. У него есть чалый жеребец, он-то уж постарается!

Возвратившись в город, мы разыскали торговца — владельца большого манежа, окруженного конюшнями. Корнер сам вышел к нам и спросил о цели нашего прихода.

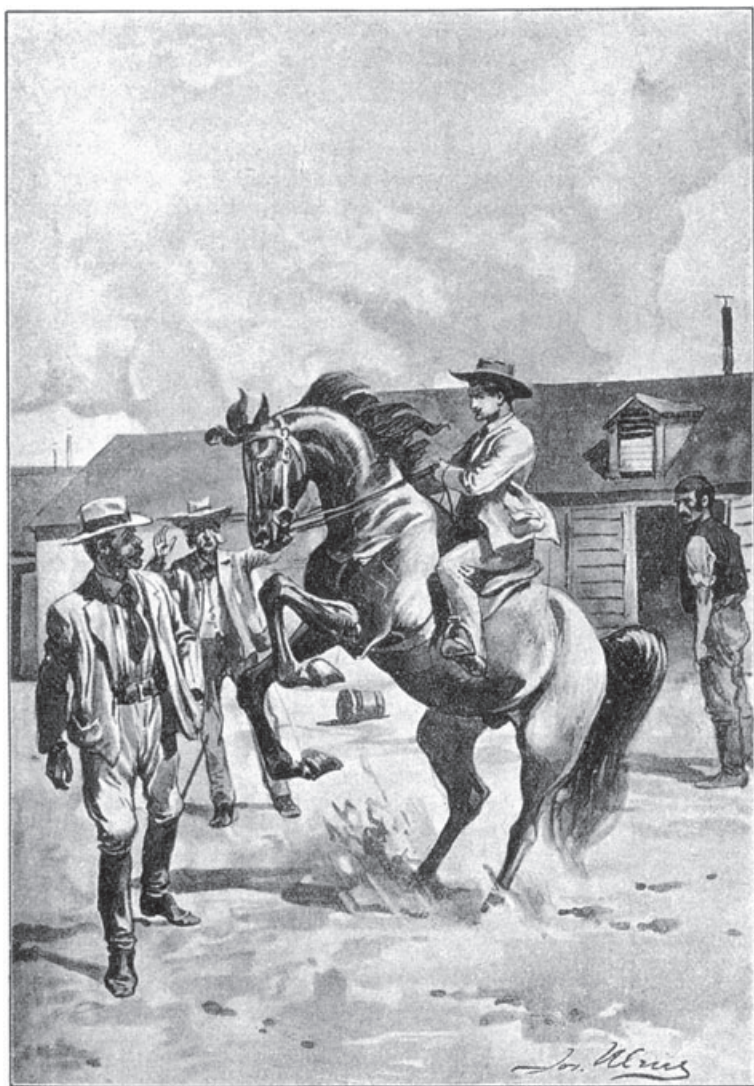
— Этот парень утверждает, что его не сбросит ни одна лошадь, — ответил мистер Генри. — Что скажете, мистер Корнер? Может, дадите ему влезть на вашего чалого?

Торговец окинул меня испытующим взором и кивнул головой в знак согласия.

— Костяк у него, похоже, что надо... впрочем, молодежь не так легко сворачивает себе шею, как старики. Если этот джентльмен жаждет испытать чалого — я не имею ничего против.

Он распорядился, и вскоре два конюха вывели оседланного жеребца. Тот вел себя очень беспокойно, то и дело старался вырваться. Старый мистер Генри, видно, испугался, поскольку попросил меня отказаться от испытания, но я, во-первых, не чувствовал никакого страха и, во-вторых, для меня это был вопрос чести. Мне дали хлыст и пристегнули шпоры. После нескольких тщетных попыток, несмотря на яростное сопротивление жеребца, я все же вскочил на него. Едва я оказался верхом, конюхов как ветром сдуло, а скакун, встав на дыбы, буквально взлетел в небеса. А потом — в сторону...

Не помню, как я удержался в седле, но теперь спешил вдеть ноги в стремя. Мне это удалось, однако жеребец начал лягаться, нагибая голову. Ему это не помогло, тогда он прижался к стене, чтобы сбросить меня, но хлыстом я отогнал буяна прочь. И тут между ним и мной началась тяжкая и опасная борьба.

Едва я оказался верхом, конюхов как ветром сдуло, а скакун, встав на дыбы, буквально взлетел в небеса.

Я призвал на помощь всю свою сноровку и весьма скромный опыт, напряг последние силы и в конце концов одолел животное. Когда я слез с коня, ноги мои дрожали от напряжения, а у взмыленного жеребца пот катил градом. Теперь он слушался малейшего движения узды.

Торговец не на шутку струхнул — он велел накрыть коня покрывалом и медленно водить по кругу. Затем обратился ко мне:

— М-да, не ожидал, молодой человек, не ожидал! Я думал, вы уже после первого скачка грохнетесь оземь. Конечно, никаких денег от вас я не возьму. Если хотите доставить мне удовольствие, приходите еще раз и образумьте до конца эту бестию. Речь тут идет не о десяти долларах — лошадь дорогая, и если ее обуздать, то на ней можно неплохо заработать.

— Если вы согласны, то и мне это доставит удовольствие, — ответил я.

До сих пор мистер Генри не проронил ни слова и только смотрел на меня, качая головой. В конце концов он хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Что за удивительный гринхорн! Чуть не до смерти заморил лошадь, а себя сбросить не дал! Кто вас этому обучил, сэр?

— Случай, благодаря которому мне подвернулся полудикий венгерский степной жеребец. Он никому не позволял забраться к нему на спину. Я все же его обуздал, хотя чуть не распрощался с жизнью.

— Нет уж, увольте! По мне, так лучше старый, мягкий стул, который не станет взбрыкивать, когда на него садишься! Идемте! А то у меня даже голова закружилась. Но все это не зря — будьте спокойны! Мне нужно было знать, как вы стреляете и ездите верхом.

Мы разошлись по домам. В течение двух следующих дней мистер Генри не заходил к нам, и я также не имел возможности его навестить. Только на четвертый день он зашел ко мне после обеда — знал, что я был свободен.

— Хотите прогуляться? — спросил он.

— Куда?

— К одному джентльмену. Он жаждет с вами познакомиться.

— По какому случаю?

— Нетрудно догадаться: он никогда еще не видел ни одного гринхорна!

— Тогда пошли.

Мистер Генри лукаво улыбался — наверняка приготовил мне очередной сюрприз. Мы долго шли по каким-то улочкам, пока наконец он не толкнул меня в некую контору. Он и сам ворвался туда как метеор, и я даже не успел прочитать золоченые буквы, красовавшиеся на огромных стеклах входной двери. Все же мне показалось, что там промелькнули слова «офис» и «геодезия». Вскоре выяснилось, что я не ошибся.

В конторе сидели трое мужчин, которые встретили мистера Генри очень вежливо и радушно, а меня — с нескрываемым любопытством. На столе были разложены карты, планы и среди них всевозможные измерительные инструменты. Мы находились в геодезическом бюро.

Цель нашего прихода мне была совершенно непонятна. Мистер Генри не делал заказов, не навел справки, казалось, он пришел только ради беседы со своими друзьями. Скоро она приняла оживленный характер, и мы совершенно незаметно заговорили об окружающих предметах. Меня это порадовало, ибо и я мог принять участие в разговоре, касавшемся теперь дел мне более знакомых, нежели просто местные проблемы.

Похоже, мистера Генри сильно увлекла геодезия — он хотел знать о ней все. Он и меня увлек, да так, что мне в конце концов пришлось только отвечать на вопросы, объяснять применение всевозможных инструментов и описывать, как чертят карты и планы. Тогда я действительно был настоящим гринхорном, поскольку вовсе не догадывался о намерениях мистера Генри. Рассказывая о сущности и различиях координатных, полярных и диагональных методов, о периметрической триангуляции¹, я заметил, что мистер Генри тайком переглядывается с остальными присутствующими. Мне это показалось подозрительным, и я встал, дав понять, что хочу уйти. Мистер Генри не стал возражать, и нас проводили еще более приветливо, чем встретили.

Когда мы отошли настолько, что нас не могли уже видеть из конторы, мистер Генри остановился, положил руку мне на плечо и сказал весьма довольным тоном:

— Сэр, молодой человек, гринхорн! Вы и не подозреваете, какую радость доставили мне сегодня! Я прямо горжусь вами!

¹ Т р а н г у л я ц и я — один из методов определения положения геодезических пунктов, служащих исходными при топографической съемке и других геодезических работах.

— Почему?

— Потому, что вы превзошли ожидания этих господ и мои рекомендации!

— Рекомендации? Ожидания? Не понимаю...

— И не надо. На самом деле все очень просто. Вы недавно утверждали, что кое-что смыслите в геодезии. Желая узнать, не врите ли вы, я и привел вас к этим джентльменам — моим хорошим друзьям. Вы с честью выдержали испытание!

— Врать? Мистер Генри, если вы считаете меня способным на это, то больше я к вам никогда не приду!

— Не смешите меня! Вы что, хотите лишить меня, старика, радости видеть молодого человека, так похожего на моего сына? Вы еще раз заглядывали к торговцу?

— Я бываю там каждое утро.

— И объезжали чалого?

— Разумеется!

— Ну и будет из коня толк?

— Надеюсь, но сомневаюсь, сможет ли будущий его владелец справиться с ним. Жеребец привык только ко мне, любого другого он сбросит.

— Хм, весьма и весьма рад! Очевидно, ему по нраву носить на спине только гринхорнов. А ну-ка свернем вот в этот проулок! Там я знаю замечательный салунчик, где можно славненько набить брюхо, а еще лучше — сполоснуть глотку. Отпразднуем экзамен, столь великолепно выдержанный вами сегодня!

Я не мог понять мистера Генри — он вдруг совершенно изменился. Этого одиночку понесло в салун! Лицо его совсем изменилось, а голос звучал радостно и звонко. Слово «экзамен» поразило меня, хотя в данном случае оно, скорее всего, ничего особенного не означало.

С этого дня он стал ежедневно навещать меня и общался со мной так, будто я был для него самый дорогой друг. При этом он не забывал в определенный момент сбить мою спесь тем самым роковым словом «гринхорн».

Удивительно, но в то же самое время изменилось отношение ко мне всей семьи, приютившей меня. Родители стали более внимательными, дети — более ласковыми. Не раз я ловил тайно обращенные на меня взгляды, однако не мог ничего понять — казалось, они выражали и любовь и сожаление одновременно.

Приблизительно через три недели после нашего странного посещения геодезической конторы хозяйка попросила меня остаться на ужин дома, хотя мои планы были совершенно другими. Она мотивировала это тем, что придет мистер Генри, а также еще два джентльмена, один из которых — Сэм Хокенс, знаменитый вестмен. Мне, гринхорну, его имя ничего не говорило, хотя я был не прочь познакомиться с настоящим, да еще и прославленным вестменом.

Здесь я был свой, поэтому, не дожидаясь удара гонга, заглянул в столовую раньше. С удивлением я заметил, что стол накрыт по-праздничному. Пятилетняя малышка Эмми, оказавшаяся без присмотра, выуживала пальчиками ягоды из фруктового компота. Как только я вошел, она моментально отдернула ручку и тут же вытерла ее о свои светлые волосы. Я погрозил ей, а она тотчас подскочила ко мне и со смехом начала что-то шептать на ухо. Желая загладить вину, девчушка выболтала мне заветный секрет, от которого, похоже, щемило ее сердечко. Сначала мне показалось, что я ослышался, но она несколько раз повторила одни и те же слова: «Ваши проводы, ваши проводы, ваш прощальный ужин».

Мой прощальный ужин?! Что за детская фантазия, возникшая, вероятно, из-за какого-то недоразумения?! Я лишь усмехнулся. Но тут из прихожей послышались голоса. Пришли гости, и я отправился их встречать.

Все трое появились одновременно; позже я узнал, что они так сговорились. Генри сперва представил меня мистеру Блэку, несколько неуклюжему на вид молодому человеку, потом — Сэму Хокенсу, вестмену.

Живой настоящий вестмен! Думаю, что вид у меня был не очень, когда я уставился на него, словно баран на новые ворота. Такого человека я прежде никогда не видел, хотя впоследствии мне доводилось познакомиться с не менее замечательными людьми. Кстати, удивляться было чему! Мало того что сама внешность охотника приковывала внимание, впечатление усиливалось еще и тем, что он стоял в приемной так, будто находился в прерии: в шляпе и с длинным ружьем наперевес!

Зрелище впечатляющее: из-под уныло свисающих полей фетровой шляпы, бог ее знает какого возраста, цвета и формы, среди леса спутанных темных волос торчал устрашающих размеров нос, вполне способный заменить стрелку солнечных ча-

сов. На фоне сплошной бороды кроме носа можно было разглядеть лишь пару маленьких, умных и чрезвычайно подвижных глазок, сверкавших неподдельным лукавством. Он рассматривал меня так же внимательно, как и я его. Причину такого внимания с его стороны я узнал позже.

Его туловище облачала старая, сшитая из козьей шкуры куртка, доходившая ему до самых колен. Куртка была явно с чужого плеча: этот маленький человечек походил в ней на ребенка, шутки ради впрыгнувшего в дедушкин халат. Из-под куртки торчали две тощих серпообразных ноги, на которых болтались кожаные леггинсы¹, обшитые бахромой; из них владелец, похоже, вырос лет двадцать назад. А в его невероятных размеров индейских мокасинах², кажется, мог целиком поместиться и он сам.

В руке знаменитый вестмен держал ружье, прикоснуться к которому я не решился бы за все золото мира. Оно скорее напоминало дубину, нежели огнестрельное оружие. В тот момент нельзя было придумать лучшей карикатуры на охотника прерий, однако вскоре я смог полностью оценить его незаурядность.

Внимательно разглядев меня, он тонким, почти детским голосом обратился к ружейному мастеру:

— Это и есть тот юный гринхорн, о котором вы рассказывали, мистер Генри?

Тот кивнул.

— Ладно! Мне он даже нравится! Надеюсь, Сэм Хокенс ему тоже будет по нутру, хи-хи-хи-хи!

С таким своеобразным смехом, который я услышу еще тысячу раз, он повернулся к открывшейся в тот момент двери. Вошли хозяин и хозяйка, и из того, как они поздоровались с ним, можно было заключить, что они встречались и раньше. Затем хозяева пригласили нас в столовую.

Мы последовали приглашению, при этом Сэм почему-то не стал раздеваться. Только когда мы сели, он пояснил, указывая на свое старомодное ружье:

— Настоящий вестмен никогда не бросит свою хлопушку, тем более я — свою старушку Лидди! Я повешу ее вот сюда, на розетку от гардин.

¹ Л е г г и н ы (леггинги) — штанины, надевающиеся отдельно на каждую ногу и прикрепляющиеся к поясу.

² М о к а с и н ы — индейская обувь из одного куска кожи (иногда с отдельно пришитой подошвой или голенищем); украшались вышивкой, бахромой или заклепками. У каждого племени крой и отделка мокасин отличались.

Итак, свое ружье он величал Лидди! Позже я узнал, что у многих вестменов вошло в моду давать имена оружию и обращаться с ним как с живым существом. Повесив ружье, Хокенс решил сделать то же самое со своей замечательной шляпой. Он снял ее, и... К моему великому ужасу, в ней остались все его волосы! Кроваво-красный, полностью лишенный растительности череп охотника мог напугать любого! Наша хозяйка громко вскрикнула, а дети завизжали, как только могли. На это Сэм спокойно повернулся к ним и как ни в чем не бывало сказал:

— Не пугайтесь, господа! Что тут такого? С честью и полным правом, которое не посмел бы оспорить ни один адвокат, я с детства носил собственные волосы, пока на меня не напали пауни¹, содравшие с моей башки вместе с волосами и кусок кожи. Чертовски неприятно было, должен вам признаться! Однако все закончилось благополучно. Потом я отправился в Текаму и купил себе новый скаल्प, если не ошибаюсь! Хи-хи-хи-хи! Его называли париком, и стоил он мне трех связок брововых шкур. Хотя все это пустяки! Новая кожа лучше старой, особенно летом — вот могу снять ее, если пот прошибет! Хи-хи-хи-хи!

Он повесил шляпу на дуло ружья, а парик снова натянул на голову. Затем Сэм снял кожаную куртку и бросил ее на спинку стула. Куртка была сплошь в заплатах, кожаные лоскуты громоздились друг на друге, да так, что одеяние напоминало настоящий панцирь, который, похоже, не могла пробить даже индейская стрела.

Теперь, когда старый вестмен остался в кожаной охотничьей жилетке, мы увидели его худые кривые ноги во всей красе. За поясом у него торчали два пистолета и нож. Усевшись на стул, он бросил сначала на меня, а потом на хозяйку лукавый взгляд и напыщенно спросил:

— Не соблаговолит ли миледи, прежде чем мы примемся за еду, сообщить этому гринхорну, в чем, собственно, дело, если не ошибаюсь?

¹ Пауни — «волки», индейское племя языковой группы кэддо, издревле обитавшее в долине реки Платт, занимавшееся коневодством и охотой на бизонов. В 1877 г. были переселены на Индейскую территорию (современный штат Оклахома). На языке индейцев сиу слово «пани» означает «красные птицы», что связано с головным убором из перьев, который у пауни обычно был красного цвета.

Он снял шляпу, и... К моему великому ужасу, в ней остались все его волосы! Кроваво-красный, полностью лишенный растительности череп охотника мог напугать любого!

В очередной раз произнесенное «если не ошибаюсь» было его любимой присказкой. Хозяйка кивнула, повернулась ко мне, потом указала на другого молодого человека и заметила:

— Сэр, вы, вероятно, еще не в курсе, что мистер Блэк останется у нас вместо вас?

— Вместо меня? — своего удивления я скрыть не смог.

— Конечно! Сегодня мы прощаемся с вами, но нам необходимо было найти нового учителя.

— Прощаетесь... со мной?!

Надо сказать, я ужасно благодарен судьбе, что тогда никому не пришло в голову запечатлеть на фотографии мой до смешного растерянный вид!

— Ну конечно, сэр, — ответила хозяйка, благожелательно улыбаясь, что я, впрочем, посчитал совершенно неуместным. После чего она добавила: — Раз речь идет о вашем счастье, мы не станем чинить вам препятствия. Поверьте, нам очень жаль расставаться с вами, и мы желаем вам всего самого наилучшего. Отправляйтесь завтра с богом!

— Завтра? Но куда? — бормотал я, ничего не понимая.

Тут слово взял Сэм Хокенс, стоявший рядом со мной. Он хлопнул меня по плечу и со смехом произнес:

— Куда? На Дикий Запад, вместе со мной! Вы блестяще выдержали экзамен. Хи-хи-хи-хи! Другие геодезисты отправляются завтра — ждать дольше они уже не могут. И вы должны без разговора ехать с ними. Меня с Диком Стоуном и Уиллом Паркером наняли проводниками на пути вдоль русла Канейдиан в глубь Нью-Мексико. Не сомневаюсь, что у вас и мысли не возникнет остаться здесь зеленым гринхорном, а?

Вот оно что! Теперь я наконец прозрел. Похоже, они уже обо всем сговорились заранее. Мне определили роль геодезиста, быть может, на одной из больших железных дорог, которых тогда проектировалось немало. Мне даже не пришлось расспрашивать ни о чем, ибо все сведения я тотчас получил от своего доброго друга мистера Генри. Он подошел ко мне и сказал:

— Знаете, почему я так хорошо отношусь к вам? Сейчас вы живете у прекрасных людей, но учительствовать не ваше призвание. Вам просто необходимо попасть на Запад! Потому я и обратился в компанию «Атлантик энд Пасифик», чтобы они испытали вас. Экзамен вы выдержали — и вот ваше назначение на должность.

Мистер Генри передал мне документ. Когда я в него заглянул и увидел сумму своего вероятного заработка, то не поверил своим глазам. А мистер Генри продолжал:

— Теперь дальше... Вы поедете верхом, значит, вам нужна хорошая лошадь, так? Я купил того чалого, что вы сами объездили. Забирайте его. Разумеется, понадобится и ружье. Вот вам мой старый тяжелый «медведебой». Я слишком стар для него, а вы из него не промажете. Что скажете, сэр?

Поначалу я ничего не мог ответить, а когда ко мне вернулся дар речи, я принялся отказываться от дорогих подарков, в чем, однако, не преуспел. Добрый старик решил меня буквально осчастливить, и мой отказ глубоко бы его обидел. Чтобы хоть на время прекратить этот разговор, хозяйка села за стол, приглашая последовать ее примеру. Все принялись за еду и не стали возвращаться к разговору.

Только после ужина узнал я все подробности. Железную дорогу предполагалось провести от Сент-Луиса через Индейские территории, штаты Нью-Мексико, Аризона и Калифорния до тихоокеанского побережья. Все это огромное расстояние предстояло исследовать и измерить на отдельных участках. Мне и трем другим геодезистам во главе с главным инженером надлежало работать на участке от истоков Рио-Пекос до Южного Канейдиана. Три надежных проводника — Сэм Хокенс, Дик Стоун и Уилл Паркер — будут нас сопровождать до определенного места, где нас ожидают другие опытные и храбрые вестмены, оставленные для обеспечения нашей безопасности. Кроме того, мы могли рассчитывать на поддержку всех местных фортов.

Обо всем этом рассказали мне лишь сегодня только из желания сделать приятный сюрприз. Сюрприз сюрпризом, но позновато... Однако все нужное для длительной поездки уже подготовили. Теперь меня необходимо было представить коллегам, ожидавшим на квартире главного инженера. Я отправился туда в сопровождении мистера Генри и Сэма, где меня встретили весьма дружелюбно. Мои будущие сослуживцы не держали на меня зла за опоздание, поскольку знали о том, что для меня все это оказалось большой неожиданностью.

Следующим утром мне ничего не оставалось, как проститься с приютившей меня семьей, после чего я отправился к мистеру Генри. Когда же я стал благодарить его, он резко перебил меня:

— Да помолчите вы, сэр! Я ведь только для того отправляю вас туда, чтобы снова заговорило мое старое ружье. Когда вернетесь, обязательно разыщите меня и расскажите обо всем, что видели и пережили. Тогда окончательно будет ясно, остались ли вы тем, кем являетесь сегодня и во что категорически не верите, — то есть гринхорном, самым что ни на есть...

С этими словами он вытолкал меня за дверь, но, прежде чем она закрылась, я успел заметить, что в его глазах стояли слезы.

Глава вторая КЛЕКИ-ПЕТРА

Чудесная североамериканская золотая осень подходила к концу. Мы работали более трех месяцев, однако опаздывали и не сумели выполнить задание, в то время как геодезисты других участков почти все уже вернулись домой. На столь плачевное состояние дел повлияли две причины.

Главная заключалась в сложностях местного ландшафта. Железнодорожная ветка должна была идти через прерию вдоль русла Южного Канейдиана. Четкое направление нам указали только до истоков реки, а дальше, начиная от Нью-Мексико, пришлось решать самим, куда двигаться дальше. Таким образом, наш дальнейший путь по Нью-Мексико определялся исключительно рельефом долин и каньонов.

Мы смогли взяться за основную работу только после долгих утомительных странствий и всевозможных вспомогательных измерений. Кроме того, мы оказались в очень опасной местности. Здесь бродили кайова¹, команчи² и апачи³, не желавшие и слышать о дороге через территорию, которую считали своей собственностью. Мы находились в постоянном напряжении,

¹ К а й о в а (киова) — «главный народ», воинственное племя южных североамериканских степей, относящееся к группе шошонов. Жили в устьях рек Симаррон и Ред-Ривер (современные штаты Техас и Оклахома). Во время военных походов обычно выступали союзниками команчей.

² К о м а н ч и (немена) — «враги», племя группы шошонов, жившее к югу от реки Арканзас (современные штаты Нью-Мексико и Техас).

³ А п а ч и — индейское племя группы южных атапасков языковой семьи надене, жившее в прериях на территории современных штатов Нью-Мексико и Аризона.

что, само собой разумеется, сильно тормозило работу. Постоянно ожидая нападения краснокожих, нам пришлось отказаться от охоты — индейцы запросто обнаружили бы наши следы. Все, что нам было нужно, в том числе и продовольствие, мы привозили на волах из Санта-Фе. Но и этот способ транспортировки, к сожалению, был ненадежен: обоз постоянно опаздывал. Нередко в ожидании провианта и других необходимых вещей мы просто не могли двигаться дальше и работа стояла.

Второй причиной промедления являлись разногласия внутри нашего пестрого отряда. Я рассказывал уже, как в Сент-Луисе меня очень дружелюбно встречали главный инженер и трое геодезистов. Разумеется, я полагал, что между нами установится продуктивное сотрудничество. К сожалению, я жестоко ошибся.

Все мои коллеги были чистокровные янки, видевшие во мне только гринхорна и неопытного «голландца»¹. Сами они хотели лишь побольше заработать, а качество работы их совершенно не волновало. «Честный немец» был для них не иначе как «тормозом», и очень скоро они отказали мне в своем расположении. Так или иначе, но я спокойно продолжал исполнять свои обязанности. Вскоре я заметил, что и познания в своей специальности у них весьма скудны. Самую тяжелую работу они легко подсовывали мне, себе же всячески облегчали задачу. Я не стал возражать, поскольку всегда придерживался того мнения, что трудности закаляют.

Главный инженер, мистер Банкрофт — надо сказать, самый сведущий из них, — питал слабость к виски. Из Санта-Фе привезли несколько бочонков этого пагубного зелья, которое с тех пор интересовало его гораздо больше, нежели измерительные инструменты. Бывало, что он полдня лежал в лежку совершенно пьяный. Землемеры Риггс, Мэрси и Уилер, как, впрочем, и я, должны были платить за виски из своего кармана, поэтому они и пили наравне с ним, чтобы не оказаться внакладе. Естественно, и эти джентльмены частенько находились в приподнятом настроении. Сам я ни капли в рот не брал, вся работа валялась на меня, а они то пили, то отсыпались с похмелья. Уилер, будучи лучшим из худших, хотя бы понимал, что я вкалывал за них, совершенно не обязанный этого делать.

¹ Так англо-американцы с презрением называли всех выходцев из Германии.

Другие члены отряда также оставляли желать лучшего. Когда мы прибыли на участок, то застали там ожидавших нас двенадцать вестменов. Первое время как новичок я испытывал к ним довольно большое почтение. Но вскоре я понял, что имею дело с людьми весьма низкой морали.

Они были призваны защищать нас и оказывать помощь при работе. К счастью, за все три месяца не произошло ничего, что могло бы вынудить меня прибегнуть к их сомнительной защите. А что касается помощи в работе, то с полным правом могу утверждать: здесь собрались самые отъявленные бездельники со всех Соединенных Штатов. О какой там дисциплине могла идти речь?!

Банкрофт считался у нас старшим, и хотя он старался изо всех сил это подчеркнуть, его никто не слушал. На его приказания отвечали усмешками, а он извергал проклятия, которые мне редко приходилось слышать. После этого он спокойно отправлялся к своему бочонку. Риггс, Мэрси и Уилер едва ли от него отличались. Все эти обстоятельства заставили меня взять бразды правления в свои руки, однако действовать пришлось так, чтобы это не бросалось в глаза. Ждать серьезного отношения к молодому неопытному человеку, каковым я был тогда, не приходилось. Все же рассудок подсказывал мне, как действовать. Если бы я говорил с ними приказным тоном, то, разумеется, ничего, кроме громкого и презрительного смеха, в ответ не услышал бы. Нет, я должен был действовать незаметно и осторожно, как мудрая женщина, умеющая искусно повелевать строптивым мужем, который и не подозревает об этом. Эти полудикие, необузданные вестмены раз десять на дню обзывали меня гринхорном, при этом все же бессознательно подчинялись мне, абсолютно уверенные, что повинуются только собственной воле.

Помогали мне только Сэм Хокенс и его спутники, Дик Стоун и Уилл Паркер. Все трое были в высшей степени честные, опытные, умные и смелые люди, слава о которых давно переступила границы Дикого Запада. Обычно они находились рядом со мной, других же старались избегать, но делали это так, чтобы никого не обидеть. Хокенс, несмотря на свои странности, отлично справлялся с остальными горе-вестменами. Он постоянно говорил обо всем шутя, однако умел настоять, и его

желание всегда исполнялось, что помогало мне в достижении цели.

Между нами втайне установились такие отношения, которые я сравнил бы с суверенными отношениями двух государств. Он негласно стал моим покровителем, даже не спросив на то моего согласия. Я ведь был гринхорном, а он — опытным вестменом, слова и действия которого не подлежали критике. В любой подходящий момент он принимался за мое практическое и теоретическое обучение во всем, что, по его мнению, необходимо было уметь и знать на Диком Западе. И хотя свою высшую школу я позже прошел у Виннету, моим первым учителем все же был Сэм Хокенс. Он своими руками сделал мне лассо и заставил упражняться в метании, позволив мне накидывать веревку не только на лошадь, но и на него самого. Когда я научился из любого положения захлестывать петлю, он искренне обрадовался и воскликнул:

— Великолепно, юный сэр! Вот так! Но не задирайте нос слишком высоко! Временами учитель должен похвалить и самого нерадивого ученика, чтобы тот окончательно не пал духом. Через мои руки прошел не один желторотик. Признаюсь, все они успевали лучше и понимали гораздо быстрее вас. Но если вы будете продолжать в том же духе, быть может, через шесть — восемь лет вас не станут больше величать гринхорном. А до того момента не падайте духом, иногда дураку удастся добиться гораздо большего, нежели умнику, если не ошибаюсь!

На первый взгляд он говорил совершенно серьезно, а я так же серьезно воспринимал его речи, однако я отлично знал, что же он думал на самом деле.

Хотя занятия под его началом мне нравились больше всего, у меня было слишком много работы по службе. Скажу откровенно, если бы не Сэм, я никогда бы не нашел столько времени для упражнений в ловкости, необходимой для охотника прерий. Кстати, об этих занятиях никто не знал — они проходили обычно на таком расстоянии от лагеря, чтобы нас оттуда никто не увидел. Таково было условие Сэма, и когда однажды я захотел узнать причину, он мне ответил:

— Все это ради вас, сэр. Вы так во многом неловки, что я на вашем месте сгорел бы от стыда, если бы эти дурни застучали меня за подобными занятиями. Теперь вы это знаете, хи-хи-хи! Запомните мои слова!

В конце концов дошло до того, что вся компания стала сомневаться в моей физической силе и в умении обращаться с оружием, хотя меня это нисколько не обижало.

Несмотря на все упомянутые трудности, наступил момент, когда мы наконец смогли рассчитать, что через неделю доберемся до соседнего участка. Необходимо было выслать курьера, чтобы сообщить об этом нашим соседям. Мы не раз через курьеров поддерживали отношения с соседними участками. Однако Банкрофт заявил, что поедет сам в сопровождении одного из вестменов в ближайшее воскресенье. В день отъезда закатали пирушку, где участвовали все, кроме меня и Хокенса, которых не пригласили, а также Стоуна и Паркера, которые просто отказались. Как я и предполагал, пьянство прекратилось лишь тогда, когда Банкрофт уже не смог ворочать языком. Его собутыльники также не ворочали языками и были не менее пьяны, чем он. Естественно, о поездке не могло быть и речи. Все расплзлись по кустам, чтобы выспаться.

Что оставалось делать? Послать курьера было просто необходимо, а продрать глаза братия могла не раньше вечера. Лучше всего было бы отправиться самому — но мог ли я покинуть лагерь? Я не сомневался, что за четыре дня моего вероятного отсутствия здесь никто палец о палец не ударит. Пришлось посоветоваться со старым Сэмом. Выслушав меня, он с хитрой улыбкой указал пальцем на запад и произнес:

— Вам вовсе не надо ехать, сэр! Можно передать новость через всадников, что едут сюда!

Повернув голову, я действительно увидел двух всадников, направлявшихся прямо к нам. Это были белые, в одном из которых я узнал старого скаута; он уже несколько раз привозил нам вести с соседнего участка. Другой всадник, которого я раньше никогда не видел, был помоложе и одежда его резко отличалась от костюма вестмена. Когда я вышел навстречу, оба придержали лошадей, а незнакомец спросил мое имя. Услышав его, он взглянул на меня приветливым, но испытующим взглядом.

— Вы и есть тот самый молодой джентльмен, что работает здесь за всех остальных бездельников?! Наверное, вы догадаетесь, кто я, когда я представлюсь. Моя фамилия Уайт.

Действительно, я слышал о нем. Это был главный инженер соседнего с нами участка, куда мы собирались отправить курь-

ера. Очевидно, здесь он неспроста. Уайт слез с лошади, протянул мне руку и оглядел наш лагерь более внимательно. Увидев спящих, а также бочонок из-под виски, он улыбнулся, однако вовсе не дружелюбно.

— Похоже, пьяны? — спросил он.

Я кивнул.

— Что, все?

— Да, мистер Банкрофт собирался отправиться к вам и устроил маленькую прощальную пирушку. Я его разбуду и...

— Стойте! — перебил он меня. — Пусть спит! Я хочу поговорить с вами наедине. Отойдемте в сторону. Кто эти люди, что стояли рядом с вами?

— Сэм Хокенс, Уилл Паркер и Дик Стоун. Они — наши скауты, на которых вполне можно положиться.

— А-а, Хокенс, этот маленький удивительный охотник... Дельный парень! Я о нем многое слышал. Пусть эти трое идут с нами.

Я подал знак скаутам и затем спросил:

— Вы явились сюда лично, мистер Уайт. Случилось что-нибудь важное?

— Ничего особенного! Только хотел посмотреть, как идут дела, да поговорить с вами. Мы давно справились с нашим участком, а вы еще нет...

— Но в этом виноват рельеф, и я хочу...

— Знаю, знаю! — перебил он. — К сожалению, все знаю! Если бы вы не старались за троих, Банкрофт до сих пор бы топтался на месте.

— Нет, мистер Уайт, дело не в этом. Я, впрочем, не знаю, почему у вас создалось ложное мнение, будто я один тут работаю. Это же моя обязанность...

— Ну хватит, хватит, сэр! Мы ведь поддерживали отношения через курьеров. Я их расспросил о многом. Очень великодушно, конечно, с вашей стороны защищать этих пьянчуг, но я хочу знать правду. А вы, кажется, слишком благородны, чтобы сказать ее, поэтому я спрошу Сэма Хокенса. Присядем-ка здесь!

Мы остановились возле палатки. Он спокойно сел на траву и предложил нам последовать его примеру. Тут же он принялся расспрашивать Хокенса, Стоуна и Паркера, которые, ничего не перевирая, рассказали ему обо всем, что происходило. Же-

лая почему-то защитить своих коллег и выставить их в более выгодном свете, я пытался вставить несколько замечаний, но это не оказало на Уайта никакого действия. Напротив, он убеждал меня не тратить зря время.

Наконец, узнав все в подробностях, он попросил меня показать чертежи и дневник. Я передал их, хотя мог бы этого и не делать, но мне не хотелось его обижать. К тому же я чувствовал, что он желает мне только добра. Мистер Уайт очень внимательно просмотрел документы. В итоге мне пришлось признаться, что в действительности никто, кроме меня, не написал в них ни строчки.

— Впрочем, из дневника не видно, сколько часов наработал каждый, — констатировал он. — Ваша товарищеская солидарность похвальна, но вы, кажется, зашли слишком далеко!

На что Хокенс не без лукавства заметил:

— А вы загляните-ка в его боковой карман, мистер Уайт! Там есть жестянка из-под сардин. Рыбкой там и не пахнет, зато есть кое-что получше — записная книжка, если не ошибаюсь! Там вы найдете то, чего нет в официальных документах!

Хитрец Сэм знал, что я вел частные записи, которые всегда носил при себе в пустой банке из-под сардин. Не скажу, что мне понравилась эта его выходка, однако времени на выяснение отношений не было. Уайт попросил меня показать и этот дневник. Что было делать? Я не стремился навредить своим коллегам, но и отказывать Уайту было бы глупо, поэтому я вручил ему дневник с условием, что он никому не скажет о его содержании. Он прочел его и, вернув мне, сказал:

— Собственно говоря, я должен забрать эти листки с собой и отдать их куда следует. Эти ваши коллеги абсолютно нетрудоспособны, и им не следовало бы выплачивать больше ни одного доллара. По идее вам полагается тройная оплата. Ну ладно, дело ваше! Но лучше бы вам сохранить эти заметки. Они потом могут вам пригодиться. А теперь пора будить почтенных джентльменов!

Уайт встал и ударил в гонг. Из-за кустов потихоньку стали выползать помятого вида «джентльмены» с очень расстроенными лицами. Недовольный Банкрофт хотел было выругаться, что потревожили его сон, но, после того как я сообщил ему о приезде мистера Уайта, стал вести себя сдержаннее. Прежде

они никогда не виделись, и первое, что сделал Банкрофт, это предложил гостю виски, совершив тем самым непоправимую ошибку. Уайт воспользовался приглашением только для того, чтобы высказать Банкрофту все, что он о нем думает. Некоторое время Банкрофт слушал Уайта с явным удивлением, но потом, резко схватив говорящего за рукав, закричал:

— Да кто вы такой?

— Я — главный инженер соседнего участка.

— Кто-нибудь из нас имеет право там распоряжаться?

— Полагаю, что нет!

— Так вот! Моя фамилия Банкрофт, я — главный инженер этого участка. Никто не смеет мне приказывать, а уж тем более вы, мистер Уайт!

— В этом вы правы, — ответил тот спокойно. — Но если один замечает, что другой губит дело, он просто обязан обратить внимание этого другого на его ошибки! Неужели, кроме этого бочонка, вам ничего не нужно? Когда я приехал сюда два часа назад, я увидел шестнадцать человек — и все они были пьяны!

— Два часа тому назад? — недоверчиво буркнул Банкрофт. — Вы здесь уже так давно?

— Именно. Я успел ознакомиться с чертежами и узнать, кто их делал. Хорошо вы тут жили, пока один-единственный человек, самый младший из вас, справлялся со всей работой!

Банкрофт шагнул ко мне и прошипел:

— Это вы сказали? Да вы просто гнусный лжец и предатель!

— Нет, — твердо ответил ему Уайт. — Ваш молодой коллега поступил как джентльмен. Он даже с похвалой отзывался о вас. Он защищал вас, и я советую извиниться перед ним за ваше оскорбление!

— Извиниться? Ха! — язвительно усмехнулся Банкрофт. — Этот гринхорн не может отличить треугольник от четырехугольника, зато воображает себя геодезистом! Наша работа оттого и не продвигается, что он тормозит ее, делая все наоборот! Если он теперь, вместо того чтобы признаться в этом, врет и клеветает на нас...

На середине фразы Банкрофт осекся. Целых три месяца я все сносил и позволял этим людям думать обо мне все что угодно. Но теперь наступил наконец момент показать им, что они глубоко заблуждались! Я стиснул руку Банкрофта с такой си-

лой, что у того сперло дыхание и он от боли не мог дальше говорить.

— Мистер Банкрофт! Вы слишком много выпили и не проспались! Поэтому будем считать, что вы мне просто ничего не говорили!

— Я пьян? Да ты спятил!

— Если бы вы были трезвы и осознанно оскорбили меня, мне пришлось бы по-настоящему разобраться с вами! Понятно? Хватит ли у вас еще смелости отрицать, что вы не проспались?

Я продолжал крепко сжимать его руку. Разумеется, раньше ему и в голову не могло прийти бояться меня, но теперь дело обстояло именно так — я это видел. Его ни в коем случае нельзя было назвать слабым человеком, но он не на шутку испугался. Он очень не хотел согласиться с тем, что еще пьян, и в то же время не осмеливался настаивать на обвинении, а потому обратился за помощью к предводителю двенадцати вестменов, обязанных защищать нас от индейцев:

— Эй, мистер Рэтлер, вы допустите, чтобы этот гринхорн просто так хватал меня? Разве вы не для того здесь, чтобы нас защищать?

Этот Рэтлер — широкоплечий малый, обладавший силой четверых, — был чрезвычайно грубым и жестоким субъектом, к тому же любимым собутыльником Банкрофта. Он меня на дух не переносил и спяну искренне обрадовался возможности выплеснуть на меня накопившуюся ненависть. Подойдя ближе, он схватил меня за руку, подобно тому как это сделал я с Банкрофтом, и пробормотал:

— Нет, мистер Банкрофт, этого я не допущу! Мальчишка не стоптал и первых башмаков, а осмеливается грозить взрослым! Убери руки от мистера Банкрофта, желторотый мерзавец! А не то я покажу тебе, что ты за гринхорн! — С этими словами он сильно сжал мою руку.

Я прекрасно знал, что Рэтлер был сильнее Банкрофта, и если бы мне удалось проучить его, это произвело бы большее впечатление на остальных. Я резко вырвал свою руку и подзадорил громилу:

— Эй, возьмите свои слова обратно, мистер Рэтлер, а не то я свалю вас на землю!

— Что? Меня? — рассмеялся он. — Какой-то гринхорн кричит, что...

Договорить он не успел, поскольку я с такой силой ударил его кулаком в висок, что он, как мешок, рухнул на землю, так и оставшись лежать без движения. Воцарилось молчание, которое вскоре нарушил один из товарищей Рэтлера:

— Черт возьми! Мы что, так и будем спокойно смотреть, как этот проклятый голландец бьет нашего предводителя? Эй, а ну дайте ему как следует, ребята!

С этими словами он первым бросился на меня, но тут же получил удар ногой в живот. От такого встречного удара противник всегда падает, но самому нужно при этом крепко держаться на ногах. Парень грохнулся в пыль. В тот же миг я очутился на нем и оглушил кулаком по голове. Тут же я быстро вскочил, выхватил из-за пояса оба револьвера и предупредил:

— Кто следующий? Пусть попробует!

Банда Рэтлера была бы не прочь отомстить за поверженных товарищей, однако горе-вестмены вопросительно уставились друг на друга. Не давая опомниться, я крикнул им:

— Слушайте меня! Еще один шаг — получите пулю в лоб! О гринхорнах думайте что хотите, но я вам докажу, что один из них неплохо справится с дюжиной вестменов вроде вас!

В этот момент Сэм Хокенс встал рядом со мной и усмехнулся:

— И я, Сэм Хокенс, тоже предупреждаю вас, если не ошибаюсь! Этот молодой немецкий гринхорн находится под моей защитой. Если хоть один волосок упадет с его головы, я продырявлю ваши беспутные души! Говорю я это совершенно серьезно, хи-хи-хи!

Дик Стоун и Уилл Паркер неторопливо присоединились к нам, не спуская глаз с развеселой компании и дав понять, что и они того же мнения. На моих противников все это произвело должное впечатление. Изрыгая проклятия и угрозы, они рассредоточились и стали приводить в чувство обеих товарищей.

Банкрофт посчитал самым благоразумным исчезнуть в своей палатке. Уайт сверлил меня удивленным взглядом, не зная что и сказать. В конце концов, тряхнув головой, он сказал мне с неподдельным изумлением:

— Ну и ну, сэр! Не хотел бы я попасть к вам в лапы. Вас следовало бы назвать Шеттерхэндом¹, если одним ударом кулака вышибаете с ног такого верзилу! Никогда не видел ничего подобного!

Похоже, идея пришлась по вкусу Хокенсу. Он радостно воскликнул:

— Олд Шеттерхэнд! Хи-хи-хи! Гринхорну — боевую кличку, да еще такую! Когда Сэм Хокенс берется за гринхорна, из него всегда выйдет толк, если не ошибаюсь... Шеттерхэнд, Олд Шеттерхэнд! Прямо как Олд Файерхэнд², тоже вестмен, сильный как медведь! Эй, Уилл, Дик, что скажете?

Я так и не расслышал их ответа, поскольку должен был уделить внимание Уайту, который, взяв меня под руку, отвел в сторону и сказал:

— А вы мне жутко нравитесь, сэр! Может, поедете со мной?

— Даже если я захочу это сделать, мистер Уайт, я не вправе!

— Почему же?

— Я обязан остаться здесь.

— Зачем? Я беру на себя всю ответственность!

— Это мне не поможет. Меня направили сюда, чтобы я помог измерить этот участок, и я не могу уйти, пока мы не справимся с работой.

— Банкрофт закончит измерения с остальными рабочими.

— Нет, я должен остаться!

— Не забывайте, что вам здесь угрожает опасность!

— Какая?

— Разве вам не ясно, что эти люди теперь ваши смертельные враги?

— Возможно, но я не боюсь их! Эти два удара заставят их уважать меня. Не скоро кто-нибудь из них подойдет ко мне! Впрочем, на моей стороне Хокенс, Стоун и Паркер.

— Дело ваше! Но вы могли бы мне пригодиться... Хорошо, тогда хотя бы проводите меня.

— Вы уходите, мистер Уайт?

— Да, обстоятельства таковы, что у меня нет никакой охоты оставаться здесь дольше, чем нужно.

¹ Олд Шеттерхэнд (*англ.* Old Shatterhand) — Старина Разящая Рука, главный персонаж всех романов Карла Мая о Диком Западе; именно с ним писатель отождествлял самого себя.

² Олд Файерхэнд (*англ.* Old Firehand) — Старина Огненная Рука.

— Может, что-нибудь перекусите, прежде чем отправляться в дорогу?

— Не волнуйтесь, сэр! В седельных сумках у нас есть все необходимое.

— Однако вы ведь приезжали к Банкрофту по какому-то делу?

— Разумеется. Но теперь я могу поговорить об этом и с вами. Думаю, вы меня даже лучше поймете. Хочу предостеречь вас от краснокожих.

— Вы их видели?

— Их никто не видел, а вот следы... Сейчас наступает время, когда мустанги и бизоны отправляются на юг. Индейцы покидают стойбища, чтобы поохотиться и заготовить мясо. Кайова нам не опасны, поскольку мы сумели договориться с ними насчет дороги. А вот команчи и апачи о ней пока ничего не знают, а значит, нам ни в коем случае нельзя показываться им на глаза. Что касается меня, то я справился со своим участком и покидаю эти места. Заканчивайте и вы поскорее! Обстановка здесь с каждым днем накаляется. Вот так, а теперь седлайте лошадь и спросите Хокенса, не составит ли он мне компанию.

Сэм конечно же согласился. Сначала я вспомнил о работе, но, поскольку было воскресенье, я решил, что имею наконец право на отдых. Заглянув в палатку к Банкрофту, я заявил ему, что не намерен сегодня работать и собираюсь вместе с Сэмом проводить Уайта.

— Катитесь вы к дьяволу и пусть он свернет вам шею! — услышал я в ответ.

Удивительно, но его пожелание чуть было не исполнилось!

Чалого я не седлал уже несколько дней, и теперь он радостно заржал, когда я подошел и погладил его по крупу. Он действительно оказался превосходным скакуном, и я заранее предвкушал, с каким удовольствием сообщу об этом старому оружейнику мистеру Генри.

В то прекрасное осеннее утро, которое не могли испортить даже происшедшие неприятные события, мы бодро отправились в путь, ведя разговоры о проектируемой железной дороге и о других интересных нам вещах. Уайт давал столь необходимые мне указания относительно соединения обоих участков. Где-то в полдень мы достигли реки, где решили сделать привал,

чтобы подкрепиться. После скромного завтрака мы расстались с Уайтом и его скаутом, а сами еще некоторое время лежали в траве и мирно беседовали.

Решив возвращаться в лагерь, мы поднялись, а я нагнулся к воде, чтобы зачерпнуть воды и попить перед дорогой. В тот же миг я заметил в воде отпечаток чьей-то ноги и обратил на него внимание Сэма. Тот тщательно осмотрел след и серьезно произнес:

— Мистер Уайт был совершенно прав, предостерегая нас от индейцев.

— Думаете, Сэм, это след краснокожего?

— Безусловно! Здесь ступал индейский мокасина. Как ваше самочувствие? Не боитесь, а?

— И не думаю!

— Что, никаких ощущений?

— Нет.

— Похоже, вы не знаете краснокожих.

— Надеюсь, вскоре узнаю. Они такие же враги своих врагов и друзья своих друзей. У меня нет намерений враждебно относиться к ним, потому мне и нечего их бояться.

— Вы — неисправимый гринхорн и останетесь им навеки! О ваших отношениях с индейцами можете думать, что хотите, но на самом деле все будет иначе, потому что события не подвластны вашей воле! Скоро сами убедитесь, но я искренне не хотел бы, чтобы вы заплатили за это куском собственного мяса или, чего доброго, жизнью!

— Когда здесь проходил индсмен?

— Дня два тому назад. Мы бы увидели его следы и в траве, если бы они не успели исчезнуть за это время.

— Наверное, разведчик?

— Да, разведчик, ищущий бизонов. Это не военный лазутчик — между здешними племенами топор войны зарыт. Этот малый был крайне неосторожен — очевидно, он еще молод.

— О чем вы?

— Опытный воин никогда не войдет в воду там, где его след может остаться на мелком дне. Только болван — краснокожий гринхорн, совершенно похожий на своего белого брата, мог совершить подобную глупость, хи-хи-хи! Хотя белые гринхорны обычно еще глупее... Не забывайте об этом, сэр!

Старик тихо хихикнул и поднялся, чтобы сесть на лошадь. Иногда добряк Сэм любил показать свое расположение ко мне, просто называя меня болваном!

Мы могли бы вернуться прежней дорогой, но, поскольку моя задача как землемера заключалась в том, чтобы изучить свой участок, мы сначала свернули в сторону, а потом двинулись параллельно первому пути.

Вскоре мы оказались в довольно широкой долине, поросшей сочной травой. Окаймлявшие ее по обе стороны холмы были покрыты кустарником, ближе к вершинам переходившим в лес. Долина тянулась прямой полосой, так что можно было даже видеть ее противоположный конец. Чтобы добраться до него, требовалось около получаса.

Наши лошади сделали всего несколько шагов по долине, как вдруг Сэм резко осадил коня и стал внимательно всматриваться в даль.

— Бог мой! — воскликнул он. — Вот они! В самом деле, это они, самые первые!

— Кто? — непонимающе спросил я, после чего далеко впереди нас заметил около двух десятков медленно передвигающихся темных точек.

— Кто? — переспросил Сэм, беспокожно вертясь в седле. — Стыдно вам, молодой человек, задавать такие вопросы! Впрочем, вы ведь гринхорн, да еще какой! Юнцы вроде вас вечно жмурят глаза! Глубокоуважаемый сэр, соблаговолите угадать, что же это за точки, которые привлекли ваш восхижительный взор? — Последние слова Хокенс сказал с явной издевкой.

— Угадать, хм! Я, может, и принял бы их за оленей, если бы не знал, что те живут стадами, не больше десяти голов в каждом. Судя по расстоянию, эти животные, хотя и кажутся очень мелкими, значительно крупнее оленей.

— Олени, хи-хи-хи! — рассмеялся Сэм. — Тут, у истоков Канейдиан? Неплохо звучит! Хотя в остальном вы рассуждаете верно. Действительно, эти животные гораздо, гораздо больше оленей.

— Уж не бизоны ли это, дорогой Сэм?

— А кто же еще! Бизоны, настоящие кочующие бизоны, которых я вижу в этом году впервые. Теперь вам понятно, что мистер Уайт был прав? Я имею в виду бизонов и индейцев! О крас-

нокожих говорят пока только их следы, ну а бизоны — вот они, собственной персоной! Что на это скажете, если не ошибаюсь?

— Надо подойти ближе.

— Конечно!

— И посмотреть на них.

— Посмотреть? — спросил старик, окинув меня удивленным взглядом.

— Ну да. Я никогда не встречал бизонов, и мне бы очень хотелось понаблюдать за ними.

Во мне вдруг вспыхнул настоящий зоологический интерес, что маленькому Сэму было совершенно непонятно. Он лишь развел руками и запричитал:

— Понаблюдать, только понаблюдать! Прямо как мальчишка, что приникает глазами к щели кроличьего загона, чтобы понаблюдать за этими плутами! Эх, гринхорн, сколько же еще мне с вами маяться! Охотиться на них я буду, а не смотреть и наблюдать!

— Сегодня, в воскресенье?

Сэм непонимающе уставился на меня. Похоже, он разолился не на шутку:

— Говорят вам, придержите язык, сэр! При чем здесь воскресенье, когда перед носом шмыгают первые бизоны! Это же мясо, понятно? Еще какое, если не ошибаюсь! Бизонье филе по вкусу затмит божественную амброзину¹, или как там ее называли древние греки. Я раздобуду хорошую бизонью тушу, пусть это будет стоить мне жизни! Ветер встречный — отлично! Весь северный склон долины купается в солнце, а там, с другой стороны, хозяйничает тень. Нам надо держаться в тени, бизоны не смогут нас заметить. Пошли!

Он осмотрел оба ствола своей Лидди, а затем погнал лошадь к южному склону. Следуя его примеру, я проверил свой «медведебой». Сэм, заметив это, приостановил лошадь и спросил:

— Что, хочется принять участие в охоте?

— Разумеется!

— Нет-нет! Не суйтесь, если не хотите, чтобы зверье затоптало вас и превратило в кашу! Бизон — это не канарейка, что садится на палец и чирикает. Погода в Скалистых горах сме-

¹ Сэм имеет в виду амброзию (*греч. ambrosia*) — пищу богов, дававшую им вечную юность и бессмертие.

нится еще не раз, прежде чем вас можно выпускать в такую глушь...

— Но все же хотелось бы...

— Слушайте и повинуйтесь! — перебил он меня таким тоном, которого я от него никогда еще не слышал. — Вы готовы идти на верную смерть, да вот только я не хочу брать грех на душу! Не со мной делайте что хотите, но сейчас я не допущу неповиновения!

Если бы у нас с ним не было действительно хороших отношений, я бы не сдержался, однако я молча поехал следом, ведя жеребца в тени леса. При этом Сэм, маяча впереди, продолжал говорить дальше, но уже более мирно:

— Их всего двадцать. А были времена, когда можно было встретиться с сотней этих упрямцев в открытой прерии! Когда-то я видел стада в несколько тысяч голов! Это же «индейский хлеб», который отобрали белые. Краснокожие щадили зверье, потому что оно давало им пищу, они убивали ровно столько, сколько требовалось, чтобы прокормиться. Но белые гнали стада, как алчные хищники, и даже когда набивали свое брюхо, продолжали убивать ради развлечения. Так будет, пока не останется ни одного бизона, а стало быть, и ни одного индейца. А мустанги? Раньше их было не счесть! Радуйтесь, если повстречаете хоть какой-нибудь табун.

Оказавшись приблизительно на расстоянии четырехсот шагов от животных, Хокенс остановил свою кобылу. Бизоны паслись, медленно продвигаясь вперед. Ближе всех к нам находился старый бык, гигантские размеры которого просто поражали: около двух метров в высоту и трех — в длину. Тогда я не умел по виду бизона определять его вес, но теперь сказал бы, что он весил больше тонны — чудовищная гора мяса и костей! Животное комфортно чувствовало себя в грязной луже, на которую случайно набрело.

— Вожак, — шепотом пояснил Сэм, — самый опасный из всего стада. Кто рискнет его потревожить, пусть сначала черкнет завешание. Вон та молодая самка, справа, — то, что надо. Смотрите в оба, куда я пушу ей пулю! Туда, сбоку, позади лопатки, прямо в сердце. Самый верный выстрел, если не считать свинцовой пилюли прямо в глаз. Но кому придет в голову, — если он не сумасшедший, — напасть спереди на бизона, чтобы впепить ему в глаз? Оставайтесь здесь и хорошенько спрячьтесь

с жеребцом в кустах! Если они меня увидят и побегут, то направляйтесь как раз сюда. Но я запрещаю вам покидать убежище, прежде чем вернусь или позову вас!

Он подождал, пока я скрылся среди кустов, затем медленно и бесшумно двинулся вперед. Наблюдать за действиями Сэма мне было крайне любопытно. О том, как правильно охотиться на бизонов, мне доводилось читать не раз. Но одно дело — читать, другое — видеть, как все происходит на самом деле. Мою душу раздирали противоречия. Если прежде я хотел только понаблюдать, то теперь ощущал непреодолимое желание поучаствовать. Пусть Сэм занимается коровой, а я...

Мой конь тоже вел себя беспокойно: пританцовывал — похоже, бизонов видел впервые, — боялся и стремился уйти. Удержать его мне стоило немалых усилий. Неужели мне не удастся заставить его перебороть страх? Я уже начал было сомневаться, но тут все решилось само собой.

Когда до бизонов оставалось шагов триста, Сэм пришпорил свою кобылу, которая тотчас во весь опор понесла к стаду. Промчавшись мимо гиганта-вожака, Сэм погнал лошадь прямо к самке, упустившей подходящий момент для бегства. Охотник поравнялся с ней, хладнокровно выстрелил и поскакал дальше. Животное вздрогнуло и опустило голову. Упала ли она, я не заметил, поскольку все мое внимание было обращено в другую сторону.

Огромный вожак выскочил из лужи и уставился на Сэма. Какой мощный зверь! Его огромная башка с выпуклым черепом, широким лбом и короткими, но страшными, загнутыми вверх рогами, густая косматая грива... Картину первозданной необузданной мощи завершал высокий загривок. Существо было крайне опасное, и все же вид неукротимого зверя возбуждал желание помериться с ним силами.

Мой чалый вдруг понес меня прочь из кустарника и свернул влево, но я крепко его взнуздal, и мы помчались направо, к быку, который услышал топот и обернулся. Увидев всадника, бизон резко опустил голову, готовый поднять на рога человека и лошадь. Кажется, Сэм кричал что-то мне изо всех сил, но я даже не имел возможности взглянуть на него.

Вогнать пулю в быка было невозможно, поскольку, во-первых, он слишком неудобно стоял, а во-вторых, конь никак не

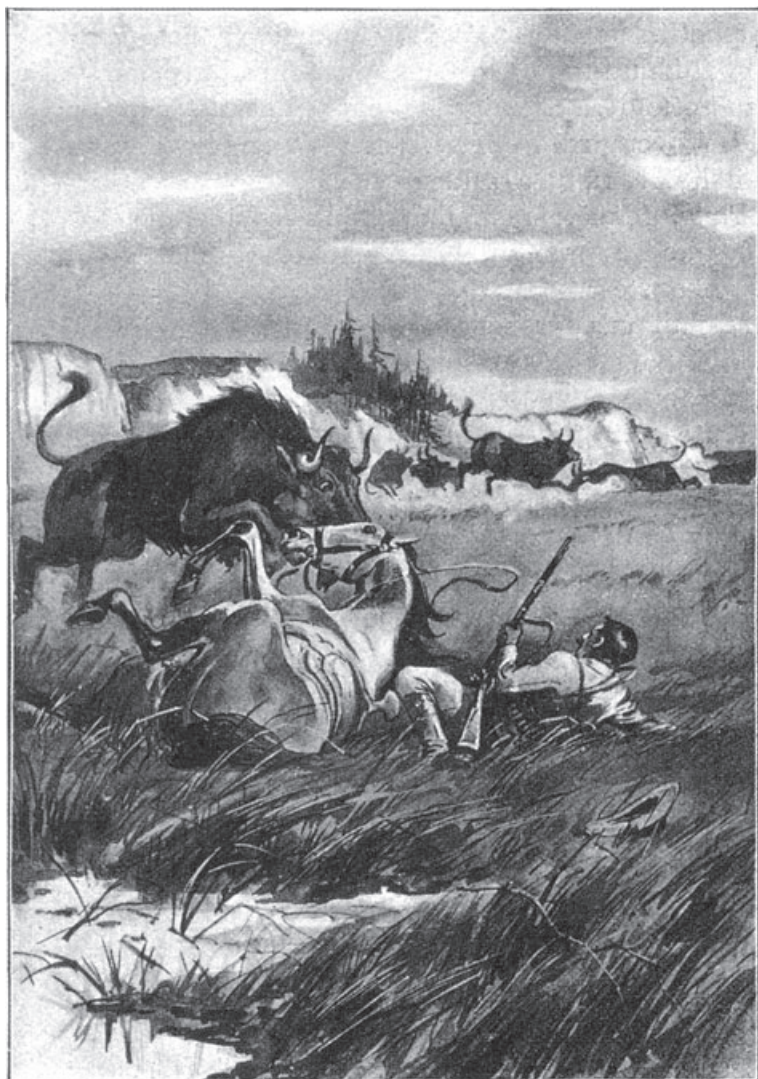
желал мне повиноваться — от ужаса он летел прямо на гиганта. Бизон расставил ноги и сильным толчком поднял голову, чтобы принять нас прямо на рога, но в тот же миг мне все же удалось повернуть коня чуть в сторону. Широким прыжком чалый вдруг перелетел через бизона, да так, что мои ноги едва не заделли его рогов. Единственное, что я успел понять, — то, что мы неизбежно летели в лужу, где только что нежился бизон. Я едва успел выдернуть ноги из стремян, как жеребец поскользнулся — и мы грохнулись в грязь. Я до сих пор не могу понять, как все произошло, но в следующий момент я уже стоял возле лужи, крепко сжимая в руке ружье. Бизон обернулся и не очень ловкими прыжками рванулся к чалому, который тоже успел подняться и намеревался обратиться в бегство. Левый бок чудовища был открыт — лучшего момента не будет. Я вскинул ружье. Тяжелый «медведебой» впервые должен был показать себя в деле. Еще один прыжок — и бизон настиг бы чалого. Но в этот момент я спустил курок. Опешивший бык буквально застыл на бегу. Напугал ли его громкий выстрел или же я удачно попал, разбираться было некогда, а потому я быстро пустил в него вторую пулю. Бизон медленно поднял голову и замычал так, что у меня мороз пробежал по спине. Несколько раз пошатнувшись, он наконец рухнул в траву.

Я едва не вскрикнул, опьяненный славной победой, но меня ждали другие сюрпризы. Чалый, оказавшись без всадника, несся по правому склону, а с противоположной стороны долины во весь опор мчался Сэм, преследуемый еще одним быком, немного меньшим моего жоака.

Известно, что разъяренный бизон не отстает от своего противника, не уступая в скорости лошади. При этом он проявляет немало смелости, хитрости и выдержки — качества, которые в нем вряд ли можно было бы предположить.

И этот зверь, преследовавший Сэма, уже следовал за охотником по пятам. Избегая опасности, Хокенсу приходилось выписывать самые рискованные повороты, утомлявшие его кобылу. Было ясно, в таком состязании ей не устоять — срочно требовалась посторонняя помощь.

Не успев убедиться в гибели жоака, я быстро зарядил двустволку и перебежал на противоположный склон. Хокенс успел это заметить и быстро повернул кобылу в мою сторону.

*Я едва успел выдернуть ноги из стремян,
как жеребец поскользнулся — и мы грохнулись в грязь.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая. ГРИНХОРН</i>	<i>5</i>
<i>Глава вторая. КЛЕКИ-ПЕТРА</i>	<i>26</i>
<i>Глава третья. ВИННЕТУ В ПЛЕНУ</i>	<i>95</i>
<i>Глава четвертая. В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ</i>	<i>170</i>
<i>Глава пятая. ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ</i>	<i>249</i>
<i>Глава шестая. ОСВОБОЖДЕНИЕ СЭМА</i>	<i>358</i>